ВѢРНОЕ ЛЕКАРСТВО

от

ПРЕДУБѢЖДЕНІЯ

УМОВЪ.

для тѣхъ, до кого сіе принадлежитъ.

Съ подлинника Нѣмецкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Типографіи Государственной Медицинской Коллегіи, 1798 года.

Съ дозволенія

Санктпетербургской

Цензуры.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ

ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

ВСЕРОССІЙССКОМУ,

ПАВЛУ I

Всеподданнѣйшее приношеніе.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ
ГОСУДАРЬ!

Благочестіе ***ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА*** *примѣрно. Оное есть твердынею Государствъ. Въ Книжицѣ сей ясно то показано. Съ вѣрноподданническимъ усердіемъ дерзаю поднести оную.*

Всемилостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

всеподданнѣйшій

Михаилъ Антоновскій.

При колебаніи Богочтенія и Вѣры, Науки превращаются во зло; ибо тогда разумъ человѣческій совращается съ истиннаго пути. Ни что больше не вводитъ въ заблужденіе разума, какъ худыя книги; ибо принятыя однажды, безъ дальняго из-

слѣдованія, ложныя понятія учиняются въ скорѣ рѣшеніями, и тако люди преходятъ отъ предубѣжденія къ другому и отъ заблужденія къ новому заблужденію. Разсуждая о множествѣ книгъ, коими заваленъ міръ, должно возкликнуть купно съ Сочинителемъ нѣкоторымъ: „мы „удостовѣрены строгимъ розысканіемъ, что разумъ „обыкновенно запутываетъ „самъ себя въ тысячныя посторонния, странныя за„трудненія, и мы открыли, „что многочисленное книго„хранилище есть соборъ ве„личайшихъ необузданностей

„и глупыхъ мечтаній. Въ семъ „лавиринѳѣ книгъ Науки у„сматриваются въ единомъ „токмо лишь оборачиваніи „на одномъ кругѣ, на кото„ромъ всегда къ одной и той „же точкѣ доходятъ, безъ „всякаго возвышенія, и уве„личенное въ мечтаніи пред„ставленіе о своемъ обога„щеніи служитъ не къ иному, „какъ къ сокрытію истин„ной бѣдности. При чемъ не „сомнительно заключаемъ, „что всѣ книги, почитаемыя „нами за безполезныя и без„толковыя или за опасныя, „должно принести во всесоз„женіе, открытое для при-

„мирения съ Истиною и До-
„бродѣтелiю!„

Желанiе сie въ нынѣшнее время по истинѣ должно повторять; поелику не сомнительно, что множество книгъ и тетрадокъ есть болѣе вредно, нежели полезно для человѣческаго разума.

Всегда предлежатъ великie вопросы: довело ли чтенie человѣческiй духъ до высшаго совершенства? болѣе ли и сильнѣе подѣйствовало оное къ напитанiю способности душевной, нежели уединенное размышленie? было ли чтенie дѣйствительно полезнымъ, или болѣе вред-

нымъ въ наше столѣтіе? —

На вопросы сіи хочу отвѣтствовать. Безпристрастно приступлю къ раздробленію вещи, безъ горделиваго тона Ученаго и безъ самоудовольственнаго желанія показаться острякомъ. Предметомъ моимъ будетъ Истина; изслѣдую въ тонкости какъ добрую такъ и худую сторону, и покажу предѣлы, гдѣ чтеніе учиняется не надлежащимъ.

Были времена, когда книгопечатаніе еще не существовало, — времена, когда не было ни какой книги, и тогда-то духъ человѣческій образовалъ

человѣка, тогда-то не было ни какихъ остряковъ, рѣшившихъ, не зная, что есть рѣшеніе. Слушали съ примѣчаніемъ; труды духа были назидательны; писавшій тогда имѣлъ особенное и отличное свойство; сила и крѣпость заключалась въ его словахъ, и были даромъ глубокаго размышленія и уединенія.

Тогда книга была дѣйствительнымъ подаркомъ для Человѣчества, вмѣщала въ себѣ печать Природы и чувства, открывавшуюся на каждомъ листѣ; а по сему творенія сіи и пребыли цѣлые вѣки, не взирая на колеба-

ніе духа человѣческаго, не взирая на политическое иго и на смѣшеніе языковъ. Каждый Народъ, каждая Земля принимали сіи книги; оныя основывались на Истинахъ, на дѣйствительномъ познаніи человѣческаго сердца. Природа вещей, здравый умъ, заключавшійся въ оныхъ, увѣковѣчили оныя, и учинили драгоцѣннымъ подаркомъ для Потомства.

Изобрѣтено книгопечатаніе, и крѣпость духа потерялась въ буквахъ. Познанія разлились подобно рѣкѣ между людьми, но все слабо противостоявшее онымъ опроки-

нули, древнія зданія, и причинили всеобщее опустошеніе, родили многописаніе, и назидательный умъ, самоизобрѣтательный разумъ улетѣлъ отъ земли; образцовыя мысли потерялись, появились только послѣдователи, подражатели подражанному, и тако произошло всеобщее ученое разлитіе, нынѣ угрожающее человѣческому духу страшнымъ потопомъ.

Злоупотребленіе книгопечатанія умножило глупости людскія, истребленныя возстановило и увѣковѣчило многія постыдныя дѣла. Оное предало до нынѣшнихъ вре-

менъ ихъ безпорядки, ихъ дурачества, ихъ ссоры и разврашъ ихъ духа и сердца.

Было время, въ которое страсти имѣли свою мѣшу, но изчезали купно съ человѣкомъ и отходили съ нимъ во гробъ; нынѣ оныя увѣковѣчиваюшся; все, что только глупо и разпутно, все, изшекающее изъ раскаленной головы Писашеля, собираешся въ шысячныя отпечатанія, и переносишся отъ края въ край Свѣта, безъ всякаго наказанія. Одному угодно нападашь открыто на ученіе Вѣры; другому потрясашь столпы и основаніе Нравоу-

ченія, третьему доставлять Свѣту свои безпутства, и одѣвать стихотворческимъ стилемъ постыдныя чувства своего сердца. Тотъ разпространяетъ заблужденіе посредствомъ Краснорѣчія, для поставленія лжи на мѣсто Истины; иный прибѣгаетъ къ Сатирѣ, для задушенія благороднѣйшихъ чувствованій, и для содѣланія смѣшною Добродѣтель — и все сіе безуміе читаютъ и поглощаютъ — читается слабыми душами, поглощается сердцами, изполненными страстей, лишенными послѣднихъ чувствованій естественнаго ума,

и не слушающими воззванія совѣсти; по елику заблужденія ихъ краснорѣчіемъ другихъ блудящихъ людей защищаются, и дурачества ихъ увѣковѣчиваются.

Первыя творенія древности были творенія стихотворческія; хотя и состояли оныя изъ однихъ простыхъ риѳмъ: но сіи простыя риѳмы были посвящены Божеству и чистѣйшимъ понятіямъ Нравоученія. Постыдныя страсти возмутили сей чистый источникъ, и обезчестили невинность первыхъ Стихотворцовъ. Въ кругу домашней дружбы поощрялись вза-

имно къ благороднымъ дѣяніямъ, и знаніе тогда не терялось еще въ пустыхъ Романахъ, но преходило въ сердце, и показывалось на самомъ дѣлѣ.

Съ книгопечатаніемъ, съ симъ чудеснымъ изобрѣтеніемъ отпечатывать понятія свои тысячекратно, родилось высокомѣріе мнѣній, деспотическое притязаніе на покореніе всего игу своея гордости. Большей части Писателей цѣль есть желаніе пожать суетную похвалу, которой они не заслуживаютъ. Повелительный тонъ, открывающій прикрашенную

великую слабость, несчастное искусство запутывать простую Природу, а предположенія поставлять на мѣсто Истины, и бѣшеная необузданность наибольшей части Грамотѣевъ суть печальные памятники человѣческаго заблужденія, распространяющагося тысячеобразно.

Поношеніе и по нынѣ клеймитъ имя Герострата, сожегшаго Ефесскій храмъ. Человѣчество, говоритъ одинъ великій Писатель, будетъ, можетъ быть, благословить того, кто столько бы имѣлъ смѣлости, что бы сожечь

третью часть книгъ нашего столѣтія. Не многія хорошія оставшіяся были бы подобны золоту изкушенному. Издѣваются надъ тѣми горделивыми дураками, которые ищутъ роскошества своего до преизбытка даже во множествѣ книгъ своихъ: но ругаются надъ ними не основательно. Гордое невѣжество всегда воздвигаетъ Трофеи Наукамъ, не вѣдая того, и сіи богатыя книгохранилища уподобляются тѣмъ великолѣпнымъ мавзолеамъ, которые заключаютъ величайшихъ Мужей, тѣмъ мавзолеамъ, которые съ опасеніемъ

обходятъ, дабы не нарушить священнаго покоя погребенныхъ подъ оными. Наибольшая часть книгохранилищь суть гробы твореній Ученыхъ, и мало вредно для человѣческаго неразумія, ежели покрываетъ оныя десятилѣтній прахъ, ежели оныя для пышности стоятъ въ переплетѣ, и ни кѣмъ, кромѣ моли, не бываютъ разсматриваемы. Но нравственный ядъ погубляетъ Человѣчество, прокрадываясь посредствомъ книгъ и тетрадокъ въ человѣческій духъ, чрезъ разпространеніе оныхъ между Народомъ.

Изключая не многія изъ сочиненій нашего столѣтія, не сомнительно портятъ человѣческій духъ и нравы обыкновенныя модныя творенія.

Не довольно, что изтребляютъ образцовый духъ во всякомъ юношѣ, имѣющемъ естественное разположеніе и способность мыслить, но и учиняютъ ихъ бѣдными списывателями. Каждаго столѣтія великіе Мужи образовали сами себя; у нихъ не было ни какихъ книгохранилищь; они почерпали Истину изъ Природы, изъ нѣдръ Искусства, и чрезъ то достигали до той силы, которая

единая есть истинный свѣтильникъ духа.

Взирая на множество книгъ различныхъ и на разнообразныя мнѣнія, не льзя не удивляться крайне, видя, что всѣ оныя бываютъ прочитываемы и при томъ отъ одного, безъ сваренія оныхъ въ себѣ; ибо наивеличайшая гордость столѣтія нашего состоитъ въ томъ, чтобы все прочитывать. Мы дѣйствительно уподобляемся изнѣженнымъ тѣламъ, не могущимъ сносить здоровой естественной пищи. Науки, предлагаемыя намъ въ книгохранилищахъ, подобны тѣмъ Вель-

можескимъ столамъ, гдѣ тысячныя приправы въ тысячныхъ образахъ видны, и все-то сіе должно быть въ одномъ желудкѣ! кто столько имѣетъ силы, дабы сварить все сіе безъ того, чтобъ отъ сей смѣси не занемочь? — Духъ нашъ изпорченъ такъ же, какъ и тѣло наше; умѣренность и здоровая пища сохраняютъ силы онаго, а равно и умѣренное и здоровое чтеніе сохраняетъ силу духа: но не читаютъ для учиненія себя лучшими, какъ прожора ѣстъ не для утоленія голода своего; читаютъ для удовлетворенія охотѣ

своей, для соннаго препровожденія скучнаго времени, и повара обжорнаго ряду Учености заботятся для сего составлять всѣ возможныя похлебки изъ понятій своихъ, для разщекотанія притупляющагося вкусу Читателей. Книги продаются такъ же, какъ модныя бездѣлки; какъ краски на переплетѣ, такъ образъ писанія перемѣняется, и Любомудріе, во время вѣку нашего, какъ модъ торговка, продаетъ свои шляпки и головные уборы; всегда въ человѣческой жизни глупость замѣняетъ другую; Ученые столько же, какъ и

женщины суетны, и рознятся только тѣмъ, что однѣ занимаются головными уборами и нарядами, а другіе книгами и тетрадками, между тѣмъ достоинство обоихъ одинаково. Женщина говоритъ, я должна одѣваться по послѣдней модѣ; мужчина, а я по послѣдней модѣ мыслить, не о книгахъ однакожъ разсуждать, но читать журналы, дабы отречься отъ собственныхъ своихъ заключеній, для увѣрованія заключеніямъ другихъ.

Пишутъ въ защищеніе и опровержение такъ, какъ время того требуетъ, какъ

книгопродавецъ мыслитъ, что то наилучше принаровлено къ глупости человѣческой; по колику барыши и сквернаприбыточество его тѣмъ удовлетворяются. Онъ доставляетъ по мѣрѣ Нравоученіе а ла какаду, и философическія творенія а ла мердоа, какъ того вкусъ времени требуетъ.

Коль постыдны разнообразныя противорѣчія! тамъ, гдѣ бы должно владычествовать уму, господствуетъ гнусная сатира, насмѣшливая острота, и гдѣ должно бы всякую строку оживить жаромъ и чувствомъ, тамъ

пасмурная и пресмыкающаяся Діалектика.

Въ нѣкоторыхъ страшныхъ явленіяхъ въ человѣческой жизни, гдѣ Писатель долженъ бы предоставить говорить одному сердцу, и гдѣ должно бы появиться человѣку таковымъ, каковъ есть онъ, господствуетъ нарѣчіе противоположное чувствованіямъ Природы, и обнаруживаетъ страшное ученое ячество. Самое Краснорѣчіе оскверняется; оно часто тамъ робко, гдѣ должно бы ему смѣло и открыто итти прямымъ путемъ; оное бываетъ иногда ласкательницею, а

иногда соблазнительницею. Уподобляется рабу, трепещущему предъ Тираномъ своимъ, и не смѣющему произнести Истину; силу словъ своихъ учиняетъ продажнею, и яко наемникъ отдаетъ въ наемъ крѣпость свою для защищенія порока.

Иный, не будучи въ состояніи написать одной строки, но имѣя даръ сатирическаго слова, думаетъ на послѣдокъ, по обруганіи всѣхъ книгъ и по пересмѣяніи всѣхъ Писателей, угодя тако злости своей, думаетъ, говорю, что онъ одинъ человѣкъ со вкусомъ и тонкимъ чувст-

вомъ; а такимъ образомъ обманывается въ заключеніи какъ о самомъ себѣ, такъ и о другихъ. Критика позволена должна быть тому только, кто проницательности своей, заключительности и прямодушія не помрачилъ ни какою личною выгодою: но напротивъ есть судіи Искусства, которые однимъ только уничиженіемъ Писателя занимаются, въ мѣсто того, чтобы поправить его, и тако открываютъ свою гордость, невѣжество и зависть; злость ихъ не дозволяетъ имъ разсмотрѣть доброты и худобы творенія.

Вотъ на скорую руку изображеніе настоящей нашей Учености! и сего-то роду чтеніе увлекаетъ насъ изъ среды Сообщества, для заключенія себя съ онымъ въ учебную нашу комнату и хладное уединеніе. Мы ищемъ всѣхъ Добродѣтелей въ книгахъ, а ни единой въ сожитіи съ людьми; довольствуемся однимъ только мечтаніемъ объ оныхъ, но всѣ избѣгаютъ должности хорошо поступать.

О Сократъ! мудрѣйшій изъ человѣковъ! въ уединеніи ли ты научался познавать людей? убѣгалъ ли ты человѣ-

ческаго Сообщества, и желалъ ли ты одними писаніями бесѣдовать съ ними? Нѣтъ; ты былъ на площадяхъ, вопрошалъ сердца; рѣчь твоя была простота, и привлекалъ тѣмъ Истину являться предъ людьми безъ прикрасы великолѣпія, въ существенности своей.

О Человѣки! чтеніе не имѣетъ тѣхъ великихъ преимуществъ, какія доставляетъ обращеніе съ добродѣтельными людьми. Цѣлію чтенія долженствовало бы быть образованіе васъ въ Человѣковъ; но цѣль сія совершенно пренебрегается;

читаютъ по вкусу, по гордости, по страсти, отъ скуки, для учиненія себя ученѣйшими, острѣйшими, лукавѣйшими, злѣйшими, а не лучшими людьми.

Разсмотрите книги нашего столѣтія, изключая малое число, и зрите, не вѣчный ли оныя суть отголосокъ Древнихъ, слабѣе всегда и слабѣе отзывающійся, чѣмъ чаще повторяется? — Истина едина; чтеніе не можетъ иной цѣли имѣть, кромѣ руководства нашего къ Истинѣ; обрѣтя ее въ единой вещи, нѣтъ нужды во всѣхъ книгахъ, написанныхъ о томъ

предметѣ. Истина есть та великая цѣль, къ которой должны всѣ Ученые направлять теченіе свое. Она подобна мѣтѣ, выставленной отъ Природы открыто, для попаданія въ оную ради изпытанія Стрѣлка. Всякъ можетъ осмѣлиться попадать въ оную, но одинъ ближе, а другой далѣе попадаетъ, иной же со всѣмъ мимо: но лучше всѣхъ, попавшие ближе къ средоточію, а наилучшие тѣ, кои умѣтили въ самое средоточіе. По умѣченіи, мѣта болѣе не надобна, и награда принадлежитъ умѣтившему въ средину, или очень

близко къ оной. И такъ, что пользы въ тѣхъ тысячныхъ, кои изтощили свои колчаны, при попаданіи и неумѣченіи въ мѣту? — Вотъ изображеніе нашей Учености! — Наибольшая часть Писателей удалена отъ средоточія Истины, и во вся далеки отъ мѣты.

Ежели бы не было во вся ни какого чтенія, то не спорно, что успѣхи человѣческихъ Знаній были бы медленны, да и было бы дѣйствительно вредно для разпространенія силъ человѣческаго духа: но вѣрно гораздо менѣе повредило бы,

нежели какъ то слѣпотствующее рвеніе прочитывать тысячныя тетрадки (брошюры), и принимать все вдоль и поперегъ, по лживому мѣрилу большей части Писателей. Въ каждомъ Царствѣ Природы содержится все по мѣрѣ и вѣсу; въ Царствѣ только Учености не хотятъ имѣть ни мѣры ни вѣсу; всякій мѣритъ и вѣситъ по своему произволенію. — такъ чему же удивляться, когда господствуетъ обманъ и замѣшательство? — Не вкусное и злое нравится; хорошія и просвѣщающія книги не многими читаются; начинаютъ

чтеніе съ тетрадокъ, дабы заранѣе изпортить вкусъ къ основательнымъ твореніямъ. По словамъ одного Писателя, написать книгу можетъ токмо Ученый, но глупцы такъ же пишутъ тетрадки, и при всемъ томъ сіи болѣе всегда уважаются, нежели Ученые. Торгашество Книгопродавцовъ наиболѣе портитъ здравое чтеніе. Для скверноприбыточества своего они пекутся объ одномъ разходѣ, но отнюдь не о достоинствѣ творенія. Они пользуются страстями людскими, удовлетворяя мечтамъ ихъ и пристрастіямъ.

Вотъ источникъ столь многихъ пагубныхъ для Благонравія книгъ! оттуду метафизическая пустошь, тѣ стихотворческія бездѣлки, похищающія чувство и щекотящія чувственность. Большая часть Писателей, ползающихъ съ воздыханіемъ подъ игомъ Книгопродавцовъ, находятъ иногда себя принужденными соображаться пристрастію ихъ, и тѣмъ обезславлять Ученость, учиняя оную подлою торговлею своенравнаго сквернобыточества. Отъ сего чистое Нравоученіе перемѣнилось въ чувственность, отъ сего са-

мое дружелюбіе потеряло свое достоинство; любовь не имѣетъ уже болѣе того скромнаго и улыбающагося вида невинности, который руководствовалъ людей къ Нравственности; она перемѣнила свое свободное лицечертаніе въ лицечертаніе блудницы, для обольщенія заимственными личинами. Святыня дружбы осквернена, и яко привидѣніе изчезаетъ, какъ скоро потребуется отъ оной доказать дѣятельность свою словомъ и дѣломъ.

Тако-то изпорчено Нравоученіе запутанностію мнѣній различныхъ Писателей!

оное подобно представленію тѣней, изображающему иногда прелестнѣйшій видъ, который изчезаетъ, какъ скоро стекло чрезъ фонарь будетъ продвинуто.

Юношество! надежда отечественная! долженствующее нѣкогда споспѣшествовать благоденствію Отечества! что ожидаетъ тебя въ сумбурѣ твореній нашего столѣтія?

Не погружайся заранѣе въ безпорядокъ ученой запутанности! чти и прочитывай чаще съ размышленіемъ великую книгу Природы! удивляйся красотамъ ея, сокро-

вищамъ ея! разсуждай о самомъ подлинникѣ прежде, нежели приступишь къ спискамъ ея!

Говоря здѣсь о вредѣ чтенія, я не во вся осуждаю оное; я знаю пользу онаго, и желаю токмо умѣренности и правильности онаго, дабы не было оное моднымъ, но образцовымъ, достойнымъ подражанія. Я равно какъ Государственное и всего Человѣчества благо требуемъ, дабы соотвѣтствовало оное должностямъ нашимъ, дабы оное было руководительницею, другомъ нашимъ, путеводствующимъ къ Истинѣ,

къ блаженству, а не удаляло бы насъ отъ оныхъ. Оное не должно выходить изъ своихъ предѣловъ. Не должно предоставлять Юношество собственному его произволу, не должно питать пустаго воображенія; ибо, когда о томъ и не вѣдаемъ, перемѣняетъ оно наше природное свойство, угашаетъ наше коренное побужденіе къ добру, и ведетъ насъ ложнымъ путемъ, посредствомъ нашихъ сбивчивыхъ понятій. Запутанность разсудка охотно послѣдуетъ запутанности сердца; удобно совращаетъ чтеніе къ самоуправѣ,

къ партизанству, скопу; часто погашаетъ силу представленія нашего, или обманываетъ оную ложными видами, и истребляетъ ядомъ тонкихъ страстей сѣмя добра, пользы и величія.

Одно только разположенное по правиламъ обязанностей нашихъ и нашего усовершенствованія чтеніе можетъ быть полезнымъ; всякое же другое не посредственно вредоносно. Благоустроенное чтеніе есть счастливая подпора нашего разума; одно оное можетъ быть утѣшеніемъ въ трудностяхъ жизни нашей, бла-

горазумнымъ путеводителемъ въ несчастіи нашемъ, свѣтильникомъ просвѣщающимъ невѣжество наше, и собесѣдницею въ скучные часы. Оное есть лекарствомъ противъ тысячныхъ страстей душевныхъ; но оное должно быть таково, каковому быть ему должно.

Я крайне жалѣть стану, буде подумаютъ, что я покушаюсь на Художества и Науки, на противъ я торжественно воздаю справедливость онымъ, каковую онѣ заслуживаютъ, и говоря сіе повторяю, что безъ оныхъ человѣкъ былъ бы жалкое тво-

реніе, что бремя невѣжества и бѣдности болѣе тяготило бы его: намѣреніе мое со всѣмъ иное; не для угнѣтенія Наукъ, ниже для изкорененія чтенія. Я увѣренъ, что невѣжество доводитъ до пороковъ, и что невѣжа съ великимъ затрудненіемъ покидаетъ путь, по которому идетъ, поелику благороднѣйшаго не знаетъ. Я увѣренъ, что однѣ Науки, Познанія, могутъ привести человѣка къ добру: но желалъ бы сердечно, чтобы путь Наукъ былъ очищенъ отъ тернія, покрывающаго оный.

чѣмъ болѣе люблю я Науки, тѣмъ болѣе ненавижу тѣ ложныя познанія, сіи суетныя знанія словъ, выдаваемыя за истинныя гордостію и своекорыстіемъ, для заведенія людей въ заблужденія; я бы желалъ, чтобы люди читали тѣ только книги, которыя могли бы сдѣлать ихъ лучшими, которыя не могли бы ввести въ заблужденія, которыя бы доставляли разуму ихъ истинный свѣтъ, и не затушывали бы онаго.

Когда человѣкъ выходитъ изъ первыхъ лѣтъ своего дѣтства, когда начинаетъ

находить вкусъ въ чтеніи: то вотъ самое важное время для образованія его души! — Мнѣнія его основываются на первыхъ понятіяхъ, и внѣдряются въ духъ его; симъ-то мнѣніямъ соотвѣтствуютъ его нравы, и по онымъ учреждается образъ жизни его.

Чего же должны мы въ наше столѣтіе ожидать отъ образованія духа величайшаго числа молодыхъ людей? — Самонадѣяніе есть первый порокъ, высосанный многими изъ чтенія; по томъ презрѣніе Нравственности и Богопочитанія, и тако образуютъ

они себя постепенно въ чувственное ячество. Чтеніе Древнихъ оставляется; они блуждаютъ въ необозримомъ лабиринѳѣ книгъ и тетрадокъ, и во тще разумъ указываетъ имъ стезю къ выходу изъ онаго; Во тще взываетъ гласъ его: чада благоразумія! обозрите во обще духъ вѣковъ, господствующее свойство Народовъ, Науки и Художества, достойнѣйшіе удивленія памятники нашей крѣпости и нашей слабости! Обратите взоръ вашъ на Мужей, учинившихся Великими, посредствомъ Добродѣтели и Мудрости, а не на

ту ползающую толпу смертныхъ, кои малостію своею посрамили Науки и Художества! Однѣ только тѣ великія души и тѣ возвышенные духи, коихъ Природа, для удивленія будущимъ вѣкамъ, произвела, заслуживаютъ удивленіе; ихъ только писанія достойны нашего внимательнаго чтенія такъ, какъ жизнь ихъ достойна нашего подражанія.

Прилежите къ чтенію Дѣйописаній, и научайтесь изъ оныхъ познавать естественнаго человѣка; ищите его между Народовъ еще грубыхъ, неученыхъ и не изпорчен-

ныхъ; научайтесь между ними познавать Человѣка въ его дикости, въ его привязанности къ свободѣ, въ его великости и его бѣдности. Обратитесь потомъ вспять. Обмыслите дѣянія людскія, представляемыя вамъ Дѣйописаніемъ! научитесь изъ оныхъ, како единая Добродѣтель ведетъ къ блаженству; како возрастали съ оною Государства, и како безъ оной пали; и вы тогда же узрите цѣну благонравія и Благотворность Богопочитанія. Стихотворство не стоитъ ни чего, буде не руководствуетъ оное къ Благонравію

и Добродѣтели; единая книга Фенелонова замѣнила бы цѣлыя книгохранилища стихотворческія, буде бы оныя сожжены были. О книгахъ то же можно сказать, что и о людяхъ. Добрый ищетъ обращенія съ добрымъ и въ бесѣдѣ съ Мудрымъ учиняется умнѣе и лучше. Добрый и въ самыхъ книгахъ ищетъ обращенія съ добрымъ: но онъ долженъ имѣть при томъ путеводителя, который бы научилъ его знать, что есть доброе и что не такое. Соблазнъ общественнаго обхожденія гораздо опаснѣе. Гораздо глубже проходитъ ядъ его во внут-

ренность души, и разтлѣваетъ воображеніе и сердце. Добрый человѣкъ бѣгаетъ общенія съ злымъ; а человѣкъ очищеннаго вкуса чтенія худой книги. Ложное то правило, буде говорятъ, что Государство можетъ всякія добрыя и худыя книги, не опасаясь, дозволить продавать; что былъ бы жестокій деспотизмъ стѣснять книгопечатальни, и что ограничивать оныя значило бы то же, что и изтреблять оныя; что должно дозволить свободный ходъ твореніямъ духа, и покупать изъ оныхъ что кто хочетъ; что свобода

возвышаетъ душу, а принужденіе и страхъ унижаетъ оную до пресмыканія.

Такъ обычайно говорятъ; но предложеніе сіе есть вредное и ложное умозаключеніе, родившееся отъ необузданности, не хотящей знать ни какихъ законовъ и ни какого принужденія. Всякій тотъ гражданинъ, который бы равнодушно взиралъ на всякія добрыя и худыя книги въ Государствѣ своемъ, былъ бы развратникъ своего Отечества.

Градоправительство, бдящее надъ безопасностью Гражданъ, запрещаетъ подъ

жестокою казнію продажу естественнаго яду; убо можетъ ли взирать равнодушно на продажу нравственнаго яду? не спорно, что свобода есть первое право человѣка, но свобода истинная, сирѣчь, право дѣйствовать не принужденно въ томъ, чего отношенія Государственныя и общественныя требуютъ. Сія свобода въ Государствѣ простирается къ тому, чтобы дѣйствовать по законамъ безъ стѣсненія, и ни чего не дѣлать противъ законовъ; ибо и самая естественная свобода человѣка имѣетъ свои обязанности, иначе оная

не была бы уже свобода, но бѣшенство и необузданность. Свобода человѣка не можетъ состоять въ томъ, чтобы умножить нравственные безпорядки и портить духъ и сердце человѣческія. Не всегда единое невѣжество учиняетъ несчастнымъ Человѣчество, учиняютъ равномѣрно несчастнымъ оное и порожденія невѣжества: заблужденія, предубѣжденія, которыя суть такъ же и порожденіемъ ложной науки.

Все, что ни обрѣтается въ Природѣ, имѣетъ не измѣняемые свои законы, и сіи законы простираются не

только на естественныхъ, но и на нравственныхъ людей. Тѣло имѣетъ свои обязанности равно, какъ и духъ; оное обязано естественными, а сей нравственными законами; все по стройности, по всеобщему Предопредѣленію. Мудрость Древнихъ и Вѣра научаютъ насъ, что человѣкъ сотворенъ не для одного тѣлеснаго міра, что душа его вѣчна, и при томъ связывается уже здѣсь съ будущностію. Наше Предопредѣленіе, наши обязанности духовныя, не обходимыя для нравственнаго порядка, суть кроткія, миролюбивыя, бла-

творныя свойства, кои, по вѣчнымъ законамъ Нравственности, составляютъ наше существо. Все, что насъ удаляетъ отъ сихъ кроткихъ движенiй, въ коихъ состоитъ какъ наше такъ и другихъ счастiе, есть противоестественно; разрушаетъ порядокъ Вселенныя, и слѣдствiемъ того есть замѣшательство, порча естественная и нравственная.

Человѣкъ не могъ ясно понимать сихъ обязанностей, при свѣтѣ единаго разума своего; нужно было для него Откровенiе, которое просвѣщало бы въ томъ разумъ его.

ГЪ познаніи сихЪ нравственныхЪ обязанностей, вЪ изполненіи оныхЪ кЪ счастію Человѣчества состоитЪ человѣческая премудрость.

Быть ученымЪ, или имѣть Познанія, не значитЪ еще быть мудрымЪ: но Познанія сіи учреждать по законамЪ Нравственности, приводить оныя во изполненіе, согласовать со стройностію Вселенныя, изполнять весь человѣческій долгЪ, по Предопредѣленію нашему, который толь настоятельно возлагаетЪ Вѣра на сердце наше, вотЪ что есть Премудрость, и здѣсь-то должны всѣ Науки

сосредоточиваться. Что не устремлено къ сей цѣли, нѣсть благо, не будетъ никогда онымъ; ибо ведетъ къ безпорядку, пагубѣ.

Образованіе духа во Нравственности есть не что иное, какъ воздѣлываніе сердца; душа должна произращать нравственные плоды, и сѣющій на оной долженъ сѣять плодоносныя сѣмена, но отнюдь не волчцы. Свѣтъ и Мудрецы, сказалъ Конфуцій къ своимъ ученикамъ, подобны высоко воздвигнутой каменной оградѣ, защищаютъ васъ отъ пороковъ; сосѣди ваши должны уподобляться

стражѣ, охраняющей васъ отъ несчастія; а старѣйшины ваши и друзья подпорѣ, на которую вы безопасно опираться можете; Провидѣніе станетъ надъ вами бдѣти, но вы должны сердце ваше посвятити искренно Добродѣтели; ежели вы небрежете о Добродѣтели, ежели пренебрегаете свои должности: тогда вы отрекаетесь отъ правъ вашихъ, и учинитесь добычею всѣхъ бѣдъ.

Безъ Добродѣтели, безъ Мудрости, не обрящете ни какого твердаго основанія для зданій вашихъ; ни единое

Государство не постоитъ безъ Мудрости, безъ Благонравія, безъ Законовъ. Просвѣщенные, добродѣтельные Мужи должны образовать гибкія сердца своихъ учениковъ, и слагать въ ихъ душу сокровища Нравственности. Государства падаютъ, подобно высокимъ деревамъ, которыя возносятъ пышно къ небесамъ вершину свою, не по тому, что листы и вѣтвія ихъ бываютъ обрублены, но что сгнилъ оныхъ корень, служившій имъ поддержаніемъ. Сердце человѣческое есть сей корень; стебель есть наставленіе, а листвіе

суть Познанія. Ежели сердце попортилось, то портитъ все.

Примѣръ есть магнитъ для нравовъ; не довольно того, чтобы предписать правила доброму поведенію: Государство обязано оказывать уваженіе оному; сіе разраждаетъ оное и приводитъ въ дѣятельность. Худый примѣръ развлѣваетъ въ одинъ годъ болѣе, нежели бы то могли учинить цѣлые вѣки. Буде развращены дѣти, то должно прежде быть развращенными родителямъ ихъ равно, какъ и наставникамъ дѣтей, что почти обыкно-

венное въ наши времена. — Тако покрадывается ядъ, дѣйствуетъ и укореняется крѣпко въ нѣдрѣ семействъ. Худый примѣръ, испорченное Нравоученіе, бѣдныя тетрадки, развратительныя книги, либострастные Романы преходятъ изъ рукъ въ руки, и заражаютъ наилучшія сердца; опровергая духъ порядка, подавляютъ сѣмена Добродѣтели, сладостное чувство Человѣколюбія, и не пріязненныя свойства себялюбія разторгаютъ связь семействъ, цепь связующую отца съ сыномъ, и прикрѣпляющую сына къ отцу; преступаютъ За-

коны и обязанности, и на конецЪ попираютЪ ногами самую Добродѣтель. ВЪ таковомЪ состояніи крайнѣйшаго уничиженія и нравственной порчи — можно ли надѣяться обрѣсти добрыхЪ и истинныхЪ гражданЪ? — слугЪ, кои законную власть надЪ собою признаютЪ? — Людей, оказывающихЪ взаимное почтеніе, любящихЪ другЪ друга, изполняющихЪ обязанности Человѣчества и Вѣры? — О нѣтЪ! ты ихЪ не сыщешь, сіе не возможно. КакЪ скоро столпы, поддерживающіе Божеское и человѣческое достоинство без-

стыднымъ остроуміемъ потрясены дерзновенно, тотъ часъ страсти, подобно рѣкамъ, выступившимъ изъ береговъ своихъ, разрываютъ плотины, и все потопляютъ.

Ученость есть первое для Человѣка руководство къ Вѣрѣ; ибо въ оной единой находится основаніе человѣческаго блаженства. Оная образуетъ сердца, руководствуетъ волю и разбужаетъ дремлющую доброту къ благородной дѣятельности. Оная улучшиваетъ сердце, и ни что во обще не бываетъ улучшено безъ того, чтобы всецѣлое въ томъ не посоучаствовало.

Свѣтильникъ, поставленный на башнѣ, опредѣленной для маяка, освѣщаетъ не одну только башню, на которой выставленъ оный, но разпространяетъ свѣтъ свой далеко въ океанъ, и предостерегаетъ далеко карабли отъ разбитія

При тучѣ заблужденій, помрачающей духъ, нужно необходимо знать первоначальныя Истины; оныя поведутъ къ другимъ, подобно какъ основанія Наукъ руководствуютъ ко всѣмъ Познаніямъ. Сіи первоначальныя Истины заключаются только въ чистомъ Нравоученіи, поколику

оное ведетъ насъ къ познанію нашихъ обязанностей. Добродѣтель не находится при глупомъ невѣжествѣ о нашихъ должностяхъ. Человѣкъ, научась только со временемъ познавать цѣну Добродѣтели, можетъ учиться познавать зло; ибо тогда онъ будетъ уже въ состояніи предохранить себя отъ онаго.

Добродѣтель есть познаніе и дѣятельная любовь обязанностей нашихъ къ Высочайшему Существу. Оная есть то, охраняющее Царства, Божество, которое доставляетъ намъ и ближ-

нему нашему благоденствіе. Добродѣтель единая есть тѣмъ священнымъ залогомъ для сердца, сопряженнаго съ оною, по коему Провидѣніе даруетъ Мудрость, для образованія добрыхъ людей. Ею единою возбуждается Благонравіе, сія ученица Законовъ, личной безопасности, собственности и всеобщаго благоденствія.

Благонравіе есть необходимо для благоденствія Человѣку и для его сохраненія. Есть простое, первоначальное Нравоученіе, которое есть камень основанія всякаго блаженства. Сіе Нравоученіе,

сіе первое образованіе души человѣческой преподаетъ Вѣра Христіанская; оная необходима для человѣка; ибо ею единою, наставленъ, можетъ онъ здѣсь на земли изполнить достойно свое Предопредѣленіе.

Сія первоначальная Нравственность есть Нравственность Христіанина; чуждаясь изувѣрства, оная состоитъ въ изполненіи правилъ, начертанныхъ самымъ Божествомъ на скрижалѣхъ. Сіе чистое Нравоученіе есть основаніемъ всему Любомудрію; оное оплодоноситъ сѣмя Добродѣтели, возращая

оное кротко въ человѣческомъ сердцѣ; оное приноситъ Благожелательство, Человѣколюбіе, любовь къ Отечеству; оное равноцѣнно какъ для Повелителей, такъ и для покоряющихся. Оное образуетъ сердце Владыки къ Чувствительности, къ Правотѣ, къ Людскости, а сердца Гражданъ къ вѣрности, къ повиновенію, къ счастію. Оное возвращаетъ насъ къ первоначальнымъ Истинамъ естественнаго Порядка, къ Законамъ Правоты, съ коими блаженство человѣческое не разлучно.

Никогда не можно довольно препоручить сердцу всѣхъ людей цѣны Вѣры. Отъ самой нѣжной юности должно учинять оную любезною.

Любовь къ Вѣрѣ вливаетъ священное благоговѣніе къ Великимъ Таинствамъ, сокровеннымъ въ оной. — Человѣкъ ни когда не оскорбитъ то, что онъ любитъ, ниже поругается надъ тѣмъ, къ чему благоговѣетъ. Тако люди отъ любви и благоговѣнія къ Вѣрѣ поступятъ къ изполненію своихъ должностей.

Каждое чистое понятіе Нравоученія ведетъ къ пра-

вильному уразумѣнію порядка Общества; понятіе о должности и обязанности ведетъ къ самой обязанности и долгу, и тако даруетъ Закону Законодателя, Воздаятеля, Наказателя.

Сей родъ понятій о наградѣ и казни имѣетъ самое сильное дѣйствіе на сердца людскія и учрежденія Государственныя. Въ ономъ сокровенна Великая Святыня, безъ коей Народы разсыпаются, Царства низвергаются и люди учиняются несчастными.

Единое истинное познаніе о должностяхъ Вѣры, Нраво-

ученія и Общежительства доставляетъ намъ познаніе нашихъ обязанностей; чрезъ оное разкрывается сердце наше къ Богу, къ Человѣкамъ; чрезъ оное учиняются для насъ должности наши священными и любезными. Чистое сіе чувствованіе, внѣдрясь единожды въ душу, породнясь съ оною, раждаетъ привязанность изступленную къ Добродѣтели, чрезъ которую Царства и Царствующіе получаютъ оную священную безопасность, оную честь и силу, какія раждаетъ Вѣра токмо чистая.

Все будетъ непремѣнно счастливо, ежели всѣмъ управлять станетъ Мудрость, и ежели какъ въ нравственномъ такъ и физическомъ мірѣ будетъ дѣйствовать единая токмо Вина, которая ни когда не совращается съ истиннаго пути. Сія Мудрость находится въ первоначальномъ Законѣ нашего Предопредѣленія; сей первоначальный Законъ въ Нравственности; сія Нравственность въ Вѣрѣ. Необходимыя слѣдствія ея суть добродѣтельные примѣры, дѣйствующіе на сердце, душу и волю, и возраждающіе великія подражанія.

Порядокъ и Благо происходятъ отъ единаго Бога; сіе находится токмо въ вѣчныхъ Отношеніяхъ, а сіи Отношенія изъявлены въ Откровеніи. Поелику Порядокъ и Благо происходятъ изъ единаго Источника, то необходимо послѣдуетъ безпорядокъ и зло, какъ скоро источникъ оный будетъ оставленъ. Сіе-то и случилось въ нашемъ столѣтіи. Множество книгъ, вмѣсто того, чтобы руководствовать насъ ближе къ Добродѣтели и нашимъ должностямъ, удалили насъ паче отъ простыхъ Законовъ Природы и

Откровенія. Онѣ погрузили духъ нашъ глубоко въ хаосъ стихійный, унизили насъ до чувственности и себялюбія, непризнающаго ни какого Порядка, ни какого Закона и ни какой болѣе Добродѣтели.

Тако-то разторжена связь, сцеплявшая Государей съ Подданными, а Подданныхъ съ Государями; тако возстала взаимная ненависть и всѣ непріязненныя склонности, сіи слѣдствія удаленія отъ Любви; ибо Любовь обитаетъ тамъ только, гдѣ Богъ есть, а Богъ тамъ только, гдѣ Вѣра.

Представьте себѣ милліонъ людей, стоящихъ на брегу

быстрой рѣки; ни кто не осмѣлится, при полномъ дневномъ свѣтѣ, рынуться въ воду; тысящи рукъ готовы спасти его; но когда наступитъ нощь и мракъ, тогда легко низринувшійся можетъ погибнуть на вѣки. Сія нощь есть нощь невѣжества, нощь удаленія отъ Мудрости — удаленія отъ Бога, Который единъ есть Свѣтъ, освѣщающій человѣка Откровеніемъ.

Когда безумный въ густомъ мракѣ взываетъ: ступайте за мною, или вы погибнете! тогда многіе, обманувшись ложнымъ призракомъ свѣта, послѣдуютъ; а нѣкоторые,

обманувшись отсвѣчиваніемъ воды, низринутся въ ихъ пагубу, и Мудрый ни кого уже изъ нихъ не можетъ спасти.

Вотъ образъ просвѣщенія нашего столѣтія! всѣ взываютъ ко свѣту, но наибольшая часть слѣдуетъ токмо за блудящими огнями, или за тѣнію обманчиваго свѣтильника.

И дѣйствительно очень мало знали въ нашемъ столѣтіи достоинство Вѣры; въ мѣсто того, чтобы разсматривать оную съ точки зрѣнія той, гдѣ она составляетъ твердое основаніе зданія человѣческаго благо-

денствія, явились многіе Изуверы безумные, кои, прельстясь ложными понятіями о человѣческой свободѣ, искали возпрепятствовать благотворному ея вліянію на человѣческое сердце. Они желали на мѣсто Христіанской Нравственности поставить единую естественную, не обмысливъ, коль много одна другую превышаетъ чистотою; ибо Христіанская нравственность есть единое истинное правило, по которому поступки мыслящихъ Существъ должны быть разполагаемы.

Силы духа основываются на волѣ мыслящихъ Существъ; ибо въ единой волѣ находится сила, и человѣческія способности ею приводятся въ дѣятельность. Чѣмъ болѣе сія воля соразмѣрена вѣчнымъ отношеніямъ человѣческаго Предопредѣленія, ума и способностей, чѣмъ болѣе оная основывается на простыхъ началахъ: тѣмъ тѣснѣе и крѣпче учиняется связь благоденствія Народовъ.

Въ Природѣ существуетъ единая токмо Истина, единый токмо основательный Законъ, единое токмо сре-

доточіе, изъ коего всѣ прямыя черты въ тысячные лучи раздѣляются; каждая черта, которая протянута не изъ сего средоточія, и не прямо отъ круга идетъ къ сему средоточію, есть черта разрушающая порядокъ вещей.

Средоточіе сіе есть Богъ, Творецъ и Начало всѣхъ Духовъ, сила всѣхъ силъ, и чрезъ которое единое можетъ Могущество дѣйствовать на порядокъ.

Оное есть отвѣсъ нравственныхъ силъ, безъ коихъ всеобщее дѣйствованіе къ единой метѣ всеобщей любви и отъ туда произтекаю-

щаго благоденствія не дѣйствительно.

Орудіе, чрезъ которое сія безконечная Сила сообщаетъ отвѣсъ нашихъ соотношеній, есть Вѣра, Откровеніе. Безъ оной силы жизненныя были бы разрушающими силами, и тонъ согласія въ Твореніи былъ бы разногласицею во Вселенной.

Тогда только, когда умъ говоритъ (а умъ говоритъ только тогда, когда Мудрость разверзаетъ уста) образуется сердце человѣческое благородными чувствованіями. Каждое движеніе души, каждое желаніе, про-

бужающееся въ нашемъ сердцѣ, получаетъ свое предопредѣленное направленіе, а сіе направленіе души даруетъ Откровеніе. Подъ скиптромъ порядка, правоты и благонравія процвѣтаетъ счастіе людей, и получается благоденствіе Народовъ.

Вѣра единая раждаетъ Благонравіе; ибо она есть основательная черта, на которой создана Нравственность; безъ оной Законы будутъ нѣмы, счастіе людское хило, и пружины Правленія безъ упругости.

ВЪ Природѣ все есть единство, все повторенiе, безконечный отпечатокЪ, цепь, черта, изливающаяся отЪ безконечнаго вЪ конечное. Разторгающiй цепь сiю, удаляющiй отЪ средоточiя сiю черту, удаляетЪ оную отЪ ея вѣчныхЪ соотношенiй, удаленiе же отЪ вѣчныхЪ соотношенiй есть разрушенiе вещей; ибо жизнь вещей сохраняется вЪ порядкѣ, а порядокЪ вЪ Законѣ.

КЪ какому не слыханному высокомѣрiю не доводитЪ человѣка самонадѣянiе, и коль далеко не увлекаетЪ за собою злоупотребленiе духа сует-

ность человѣческую! Коль многіе, водимые страстьми, люди громоздили системы на системы безъ всякаго основанія, искали управлять Государями и Народами, по измѣренію, дѣлаемому ими на примѣчаніи маленькаго своего духа! Всѣ сіи дерзновенныя и гибельныя мнѣнія мечтательныхъ Любомудровъ, или Просвѣтителей, подобны той пыли, какую поднимаетъ въ воздухѣ вихрь, которая затемняетъ людскія глаза, и паки, по тягости своей, упадаетъ въ свое ничтожество. Благоденствіе людей зависитъ паче отъ

духа порядка, нежели отъ краснобайства.

Весьма извѣстно, что ложное выразумѣніе, смѣлые попытки, недостатокъ въ предусмотреніи, скудость въ размышленіи завели въ заблужденіе многихъ Писателей, и что разпространенныя вездѣ ихъ мнѣнія изпортили духъ Народовъ. Они уподобились тому Фаетону, который хотѣлъ править Солнцевыми коньми, и зажегъ полсвѣта. Самое опаснѣйшее при всемъ томъ есть то всегда, что необузданности сердца сопряжены съ необузданностями духа. Среднее

Состояніе большею частію весьма изпорчено, и къ тому сіе среднее Состояніе составляетъ связь между Государемъ и Народомъ. Ни кто изъ занимающихъ въ Государствѣ важное мѣсто не можетъ подать худаго примѣра безъ того, чтобы не повредить гражданскимъ и нравственнымъ Добродѣтелямъ. Зараза, произходящая отъ верьху, мало по малу заражаетъ каждый членъ Общества; ибо существуетъ такъ же и нравственный електрицитетъ, какъ и физическій, разпространяющій-

ся отъ перваго до крайнѣйшаго члена.

Единъ только законъ Добродѣтели, толико простый и чистый, бесѣдуетъ единообразно со всѣми Народами; глаголы его вразумительны для каждаго умнаго Существа, не причастны мраку и темнотѣ; онъ живъ и неизгладимыми буквами начертанъ на сердцахъ всѣхъ; повелѣнія его устоятъ противу всѣхъ перемѣнъ земнаго шара, противу всѣхъ опустошеній времени, и всѣхъ своенравныхъ обычаевъ. Заблужденія и пороки суть жертвы его, міръ и сердце

человѣческое великій храмъ его, а Богъ есть единое Божество, коему онъ покланяется. Хотя сіе было уже тысящи разъ сказано, но благо есть всегда оное повторять.

Всѣ писатели, всѣ воспитатели, всѣ мужи, образующіе Народъ, должны тысящекратно повторять сіе; ибо чрезъ одно непрестанное повтореніе получаетъ духъ навыкъ и готовость по законамъ порядка мыслить и поступать.

Сердце человѣческое таково, что оное постепенно образуется къ Добродѣтели.

Нравственные Законы подобны физическимъ; на передъ стебель, по томъ развитіе и плодъ; на передъ ростокъ, по томъ цвѣтъ.

Ни что не велико, буде не доставляетъ оное ни какой пользы для Человѣка; самые великолѣпные и многоцѣннѣйшие памятники заслуживаютъ менѣе всего удивленіе умнаго Существа, буде воздвигнуты оные для безполезной пышности. Водометы, выбрасывающіе въ садахъ Вельможъ воду до чрезвычайной высоты, не имѣютъ той цѣны, какъ единое колесо, обращающее

жерновный камень для молотія хлѣба многимъ деревнямъ, или для облегченія работы трудолюбиваго Ремесленника. Далеко обьемлющее остроуміе тогда только можетъ быть названо великимъ, когда приноситъ оное пользу Сочеловѣкамъ. Все сіе должно разумѣть и о дѣяніяхъ духа.

Да и въ самомъ дѣлѣ! что содержатъ въ себѣ тѣ безчисленные томы, кои написаны въ наше столѣтіе? Оные суть единственное повтореніе одной и той же вещи. Философія представлялась глазамъ нашимъ въ

образѣ всегда славной, всегда копирсванной, но ни когда не получившей большей красоты статуи. Оная въ подлинникѣ гораздо совершеннѣе, нежели всѣ золотыя и серебреныя копіи съ оной, — да; оная гораздо прекраснѣе, будучи вырѣзана неизкусною рукою селянина, и поставленою въ его хижинѣ, нежели та, которую льстецы со всѣми великолѣпными украшеніями поставляютъ во Дворцахъ.

Какъ скоро люди, предавшись сонной недѣятельности, слѣдуютъ только мнѣнію другихъ: такъ скоро да-

рованія ихъ учиняются рабски подражательными, теряютъ изобрѣтательность и подлинничество. Коль великіе вымыслы и умозрѣнія возвышенныя изглажены дыханіемъ принятыхъ мнѣній! время пренесло къ намъ единыя легкія и сверкающія вещицы, нравившіяся толпѣ, пожравъ между тѣмъ мужественныя и сильныя мнѣнія, кои были съ лишкомъ просты и возвышены, чтобы могли понравиться черни.

Ежели бы умныя Головы, собравшись, извлекли изъ тысячныхъ томовъ, въ листъ напечатанныхъ въ наше сто-

лѣтіе, самую сущность: то, можетъ быть, изъ самой большей части, самое лучшее помѣстилось въ книжечку въ двенадсятую долю листа. Но въ числѣ тѣхъ томовъ не должно считать ни какихъ тетрадокъ, критикъ, алманаховъ, реценсій и прочаго, тому подобнаго, кои, большею частію, служатъ къ стыду нашего столѣтія, и изъ которыхъ и самый наилучшій и искуснѣйшій Химистъ не могъ бы извлечь ни капли полезнаго спирту (духу); ибо должно бы было все грубое и пристрастное вещество отбросить, изъ

коего состоятъ сіи пристрастные, грубые отпечатки.

Между твореніями духа, въ глазахъ ума, ни одно не заслужитъ уваженія, кромѣ того, которое учиняетъ людей лучшими и счастливѣйшими. Ученость можетъ имѣть два только предмета, яко во первыхъ, споспѣшествовать всему, что нужно для нравственнаго блага Человѣчества, какъ то: образованію души, чистой Нравственности, возвышеннымъ понятіямъ объ Истинахъ Вѣры и Откровенія; вторый предметъ есть все, что

полезно для тѣлеснаго блаженства людей, при чемъ сохраненіе здравія, облегченіе работъ и выгодность жизни будутъ обстоятельствами для Писателя.

Не многіе Писатели, въ нашемъ столѣтіи, придерживались сего предмета; а отъ туда и замѣшательство заблуждшихся духовныхъ силъ человѣка, которое со временемъ не обходимо подвергнетъ упадку всѣ Государства.

Что сохраняетъ Государства? что составляетъ силу Постановленій, Законовъ, Учрежденій? да и что суть

Законы, Учрежденія, предположенія, когда оныя не изполняются? оныя не суть дѣйствительнымъ средствомъ противу великаго зла. Такъ что же есть дѣйствительно къ надлежащему сохраненію Законовъ, къ приведенію въ дѣйствіе Предначертаній и къ постоянному существованію Учрежденій? — Благонравіе и дѣятельныя Добродѣтели. — Оныя суть слѣдствіемъ Любви и глубокаго познанія своихъ должностей; а източникъ сего познанія, сея Любви, есть Народное образованіе, которое въ наши времена, большею частію,

чтеніемъ различныхъ книгъ получается. А изъ сего и явствуетъ, коль важны Писатели для Народовъ; они образуютъ мнѣнія, а съ перемѣною мнѣній перемѣняются и обычаи, съ обычаями Учрежденія. Въ ихъ власти состоятъ нравственныя силы людей, гораздо превозходящія физическія; они управляютъ волею, и имѣютъ ключь къ сердцу человѣческому.

Не всегда-то Государства бываютъ должны своимъ блескомъ, своею силою и своею славою сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ Государямъ, или инымъ Повелителямъ На-

рода, говоритъ одинъ Писатель; часто случается, что все сіе доставляютъ однѣ частныя Особы, учинившія удивительные успѣхи въ Художествахъ и Наукахъ, и даже въ Наукѣ Правительствованія. Кто измѣрилъ Землю? Кто открылъ систему Неба? Кто удивительнѣйшія Рукомесла привелъ въ дѣятельность? Кто изслѣдовалъ глубину Химіи, Науку раздѣленія, Знаніе травъ?— Все ето были частные люди, жившіе въ тишинѣ и уединеніи. Какъ гордость и величіе наслаждались своею суетностію, въ то время, часто,,

работала Мудрость въ тишинѣ, и въ мигъ пробуждался духъ Народовъ, спавшій цѣлыя столѣтія.

Таковые-то Ученые и Писатели, работавшіе для Человѣчества, были почтеннѣйшіе Граждане Государства. Всѣ люди чувствуютъ надобность быть возбуждаемы и трогаемы; ибо душа находитъ въ томъ наиживѣйшее удовольствіе. Имъ-то Государство ввѣряло пещися о разкрытіи сего начала Добродѣтели; они, представляя возвышенныя, трогательныя и ужасныя картины, учиняли людей способнѣе къ нѣж-

ности, а учиня чувствительность ихъ совершеннѣе, доставляли имъ склонность ко всѣмъ великимъ свойствамъ, коихъ източникъ есть она же самая.

Каждое столѣтіе можетъ представить доказательства, коль важно было вліяніе ея на образованіе сердецъ. Души дѣйствуютъ на души; духи на духи; говорящій съ чувствомъ возбуждаетъ чувство; представляющій сострадание образуетъ сострадание, и такимъ же образомъ разпространяется чрезъ Писателей Истина и заблужденіе,

добродѣтель и порокъ. А по сему сіе есть наиважнѣйшее изъ обстоятельствъ Правленія, чтобы и сочиненія были направлены ко всеобщей цѣли благоденствія Государствъ.

Изъ древле Вельможи и Богачи, часто лишенные столько же дарованій, сколько и добродѣтелей, взирали на Писателей, какъ на незначущихъ ни чего людей; завиствуя оказываемому отъ Народа Ученымъ уваженію, показывали себя презирающими ихъ. Они не слѣдовали ни предостереженіямъ, ни Истинамъ, и Колоссъ издѣвался надъ песчинкою, ска-

тившеюся не примѣтно съ верьху горы, и учинившеюся постепенно громадою, коя образъ человѣческихъ Правленій низринула въ прахъ. — Сіе случается еще и въ настоящія наши времена. Книгопечатаніе наводнило міръ мнѣніями, и множество мнѣній вытѣснило Истину, бывшую участкомъ не многихъ, и тако стали потеряны дѣятельныя Добродѣтели, благочестивыя мнѣнія, на чемъ, однакожь единомъ и основывалось согласіе Цѣлаго.

Не возможно уклониться отъ будущаго брожденія, которое изъ безпорядка, вездѣ

господствующаго, не обходимо должно произойти, ежели не будетъ пріисканъ способъ на томъ же самомъ пути, на которомъ зло разпространилось.

Нынѣ Г. Кранцъ въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ, по-„священныхъ Князьямъ и „Владыкамъ Германіи къ о-„бодренію„ и весьма ясно и справедливо показалъ худое вліяніе употребленной во зло Учености, и что однакожь свобода книгопечатанія не должна быть подверженною никакому насильственному ограниченію; ра-

вно какъ и то, какимъ образомъ должны благомыслящіе Писатели трудиться для блага Человѣчества.

Каждое доброе и честное сердце съ лишкомъ чувствуетъ, колико Ученость въ наше столѣтіе измѣнилась. Но въ чемъ состоитъ сіе измѣненіе? и какимъ образомъ привести Науки въ ихъ предѣлы? — Вотъ важные вопросы, весьма важные, въ отвѣтѣ на которые, можетъ быть, заключается спасеніе цѣлыхъ Народовъ.

Не сомнительно то, да и весьма ясно для Мудрыхъ, что всеобщій законъ Поряд-

ка находится во Вселенной, который отъ самаго Предвѣчнаго положенъ чертою основанія для творенія, дабы по всеобщему чертежу Его Благости и Мудрости руководствовать Природу, міръ и всѣ мыслящія Существа. Сей Порядокъ состоитъ въ вѣчныхъ соотношеніяхъ; ибо все во Вселенной составляетъ цѣлое единое и цепь, въ которой каждое звено должно быть связано съ другимъ не обходимо. Порядокъ есть великая цѣль Божества; все управляется по безконечнымъ соотношеніямъ; все предопредѣлено

къ Порядку; Единство и Совершенство суть великіе предметы Безконечнаго; всѣ соотношенія единственно направлены къ тому, дабы вести къ Единству, къ Совершенству; въ томъ состоитъ дѣйствіе Божества, въ томъ хранятся вѣчные Законы. Въ одномъ Порядкѣ только заключается стройность, согласіе, красота, сила, какъ въ физическихъ, такъ и нравственныхъ вещахъ. Великая мета всѣхъ вещей есть стройность, совершенство тѣлесныхъ бытій, совершенство духовныхъ бытій. Сей порядокъ

Вселенныя есть не измѣняемый; оный не имѣетъ ни какой сбивчивости, ни какой невозможности; изъ онаго произтекаютъ физическіе и нравственные Законы, сообщенные Человѣку отъ Творца его. Сила и власть Законовъ имѣютъ свое разпространеніе, свои дѣйствія и свои предѣлы, начертанные перстомъ Предвѣчнаго. Въ томъ основано его начало, а Природа, міръ и мыслящія Существа суть его разкрытія.

Природа поступаетъ въ тѣлесныхъ Существахъ по простымъ Законамъ; оные суть единообразны, не пре-

мѣнны, какъ сіе показываютъ намъ ежедневно физическіе опыты. Онымъ равно какъ и чувствами нашими связаны мы съ Природою. Чрезъ то мы узнаемъ причины и дѣйствія, впечатлѣнія и разкрытія, перемѣны и возхожденія, совокупленія и свойства; дѣйствіе совокупленныхъ вещей и сущность оныхъ. Всѣ движенія, существующія въ Природѣ, слѣдуютъ не обходимымъ Законамъ; Божество составило сіи Законы; слѣдовательно Природа есть законъ небесный въ физическомъ мірѣ; а Порядокъ, изъ котораго все-

общая стройность произходитъ и отпечатокъ сего закона, есть путеводитель Природѣ.

Итакъ естественный, или физическій, и сверьхъестественный, или умный, Порядокъ есть основаніе физическаго и Нравственнаго, находящагося во Вселенной. Есть, какъ мы и выше сказали, въ Нравственномъ Порядкѣ всеобщій Законъ, все то, что одушевленныя и умныя Существа руководствуетъ къ миролюбивымъ, кроткимъ и благотворнымъ наклонностямъ, имѣющимъ согласное соотношеніе со

всесовершенною ко всѣмъ любовію Творца. Все, что удалено отъ сей кроткой связи, въ которой заключается человѣческое счастіе и блаженство, ведетъ противъ Нравственнаго Порядка, и есть лживымъ побужденіемъ противъ законовъ Духа.

Естественный Порядокъ есть мѣрило, правило и вѣсы всѣхъ физическихъ и умныхъ поступковъ. Оный состоитъ въ томъ, дабы все по намѣренію Высочайшей Премудрости возносилось къ высочайшему и преимущественнѣйшему соединенію Существъ.

Сіе званіе къ соединенію, къ простотѣ, къ любви, къ связи составляетъ отличительныя черты вѣчнаго Порядка. Ни какая человѣческая Власть не могла начертать другихъ и лучшихъ Законовъ; сіи суть печать Божества; сей Порядокъ есть душа Природы, начало жизни. Безъ сего Порядка не возможно ни законовъ, ни правъ издать, ниже начертать должностей какъ положительныхъ, такъ и обосторонниъ; инако все сіе зависѣть будетъ отъ случая. Неизвѣстность, непостоянство, слѣпота будутъ управлять

Государствами, кои не что иное будутъ, какъ хаосъ. Въ согласіи же нашихъ дѣяній съ симъ Порядкомъ состоитъ совершенство нашего Духа; ибо кто любитъ Порядокъ, тотъ изполняетъ свои должности съ любовію, и жертвуетъ вкусомъ своимъ и своими забавами любви сего Порядка.

Человѣкъ слишкомъ слабъ къ разкрытію и узрѣнію собственнымъ умомъ сихъ вѣчныхъ соотношеній, по коимъ духовныя силы развиваются къ совершенству; ибо наша слабость и потерянный свѣтъ, коимъ человѣкъ нѣ-

когда обладалъ, препятствуютъ ему достичь въ Царствѣ чувственности къ ясному познанію оныхъ; а для сего-то и долженъ онъ имѣть Вѣру, Откровеніе, дабы научиться познавать оныя соотношенія, по коимъ духовныя силы достигаютъ къ стройности и совершенству. Откровеніе научаетъ насъ притомъ познавать сей Нравственный Порядокъ, коему умныя силы сообразоваться должны, для достиженія къ совершенству, къ стройности Вселенныя; къ тому Вѣра будетъ чертою основанія, на которой всѣ человѣческіе За-

коны необходимо должны быть назидаемы, буде хотятъ, чтобы оные руководствовали къ Порядку и къ счастію. Безъ Откровенія нѣтъ ни какого Нравственнаго Порядка для умныхъ силъ; ибо человѣкъ не знаетъ законовъ сихъ силъ, и нужно для сего ему Откровеніе.

Вѣра есть путеводительница сердцу; законы ея простираются на волю и разумъ, и единая воля, или сердце, составляетъ крѣпость умственныхъ силъ.

Вѣра разкрыла естественный Законъ, въ которомъ только предполагалъ Чело-

вѣкъ великія Истины; она усовершенствовала и даровала ему впечатлѣніе Божескаго; ученіе ея не подлежитъ ни какой хулѣ; она ни чему не научаетъ такому, что бы противно было Законамъ Природы; но паче возвышаетъ оные, и показываетъ оные съ надлежащей точки зрѣнія. Она содержитъ все, чего правота и человѣколюбіе требуютъ, и все то, что существенно сопряжено съ Человѣчествомъ. Единъ Невѣрующій ищетъ въ оной недостатковъ; онъ приписываетъ ей мнѣнія, которыхъ въ сущ-

ности ея не находится. Всѣ Мудрецы какъ нашего столѣтія, такъ и древніе, желавшіе утвердить Нравоученіе на Природѣ и на собственной выгодѣ, на привязанности нашей къ счастію, на послѣдокъ обоготворили порокъ, и оправдали злоупотребленія.

Для приведенія Человѣка къ добру и для руководствованія его къ преодолѣнію своихъ страстей, Христіянское Нравоученіе не щадитъ всѣхъ возможныхъ побужденій; оно сопрягаетъ выгоды здѣшней жизни съ выгодами Вѣчности, предписывая Че-

ловѣку только тѣ укрощать; поелику оныя противорѣчатъ вѣчнымъ. Есть случаи, при которыхъ оное требуетъ отъ насъ отрекаться отъ выгодъ міра, и Добродѣтели приносить великую жертву; и тамъ, гдѣ Невѣрующій, гдѣ Безбожникъ, гдѣ Мудрецъ не имѣетъ ни какого средства и ни какихъ болѣе побужденій, Христіанина возвышаютъ надежды на будущее, крѣпость внѣдряется въ его душу, онъ возвышаетъ себя надъ собою, и скорѣе все претерпитъ, нежели измѣнитъ должности своей.

Съ верьхъ величественныхъ видовъ, обѣщаваемыхъ въ награду Добродѣтели, Вѣра представляетъ еще и побудительнѣйшіе примѣры къ подражанію. Вочеловѣчившійся Богъ, который ни чего не повелѣваетъ, чего бы Самъ Онъ не дѣлалъ; не научалъ ни одной такой Добродѣтели, которой бы Самъ не исполнилъ, и Онъ-то Самый, Который произвелъ оныхъ Великихъ Ироевъ Добродѣтели. Къ Законамъ Природы присовокупилъ Христосъ Евангельскіе совѣты, для показанія, что Онъ лучше всѣхъ Мудрецовъ зналъ человѣчес-

кую природу. Ни когда не будетъ довольно и излишно вперять Человѣку высокія понятія о его совершенствѣ — о совершенствѣ, до коего можетъ онъ себя, за пособіемъ Божеской Благодати, возвысить.

Когда Человѣкъ будетъ проникнутъ понятіемъ о благородствѣ и достоинствѣ своего начала, о высотѣ своего Предопредѣленія, о потерѣ, какую онъ понесъ, о средствахъ, кои онъ имѣетъ возвратить оную и паче возвыситься, о достоинствѣ, какое дарствуетъ Богъ душѣ нашей, о любви, которую

Богъ ко твари имѣетъ: — тогда нѣтъ такого благороднаго дѣла, такой великой Добродѣтели, для которыхъ бы онъ не былъ способнымъ.

Хладная Философія унижаетъ, она сосредоточиваетъ все на стѣсненномъ Ячествѣ; она похищаетъ у насъ силы и мужество, какъ Вѣра насъ возвышаетъ и вливаетъ въ насъ крѣпость и ироическую Добродѣтель. Вѣра премѣнила поверьхность Земли, просвѣтила Народы, утвердила судьбу ихъ, при самыхъ страшныхъ перемѣнахъ, и спасительное

вліяніе свое учинила повсюду ощутительнымъ.

Но можетъ быть живемъ мы въ несчастномъ періодѣ, въ которомъ ослабленныя души болѣе уже не способны къ ощущенію великихъ Истинъ, и къ узрѣнію необходимости Нравственнаго Ученія, вооружающагося безпристрастно противъ каждаго порока, — Нравоученія, требующаго высокихъ Добродѣтелей, кои чувственный человѣкъ считаетъ не возможными въ природѣ Человѣка.

Мудрецы нашего времени считаютъ за двѣ противу-

рѣчущія одна другой Добродѣтели, Отчизнолюбіе и Человѣколюбіе, кои будьто бы никогда въ одномъ Государствѣ находиться совокупно не могутъ. Они говорятъ, что желающій имѣть обѣ Добродѣтели оныя, не будетъ имѣть ни той ни другой; не возможное дѣло образовать въ мѣстѣ и Человѣка и Гражданина. — Но Христіанство производитъ сіе ихъ чудо. О да сохранитъ насъ Богъ отъ Отчизнолюбія, подавляющаго Человѣколюбіе, равно какъ и отъ философскаго Человѣколюбія, угнѣтающаго Отчизнолюбіе!

Въ Христіанствѣ находится чертежъ всеобщаго человѣческаго воспитанія, и чертежъ сей такъ разположенъ, что всѣ люди могутъ оный понимать и по оному изполнять. Чертежъ сей содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя Истины; первые законы онаго суть толь просты, толь дѣйствительны, толь утѣшительны! — Вѣрь, люби, надѣйся! — какой соборъ Истинъ, самой дѣятельности!

Вотъ основаніе, на коемъ все должно быть зиждимо, буде оное долженствуетъ имѣть незиблемость и не

измѣняемое существованіе. Се каменная гора, не колебимо и не преодолимо стоящая, при всѣхъ случаяхъ! Вѣра должна быть основою, на которой Государи должны сотыкать свои Законы, свои Уставы, и на которой Науки и образованіе Народа, просвѣщеніе и воспитаніе Людей должны, изображать свои правила. Она есть единая твердыня основанія, на которой Государства безопасно могутъ устоять; ибо она ведетъ къ единству, къ стройности, къ соединенію со Всецѣлымъ, изъ чего Крѣпость, Истина и Премудрость про-

изтекаютЪ. Она образуетЪ Государя, образуетЪ и подданнаго, хозяина и гражданина; она сцепляетЪ благотворныя наклонности сЪ благотворными наклонностями, обязанности сЪ обязанностями, и кротко сЪ ближаетЪ кЪ великому Предопредѣленію людей. ТамЪ, гдѣ она владычествуетЪ, нѣтЪ ни возмущеній, ни перемѣнЪ, да и ни когда не могутЪ быть оныя; ибо духЪ ея есть духЪ миролюбія, а не духЪ бунтовЪ; зане духЪ тотЪ, есть духЪ терпѣнія и любви.

Единая Вѣра образуетъ гражданъ и подданныхъ; законы Вѣры соразмѣрны природѣ нашего существа; оные обращены на наши слабости и на наши совершенства; оные суть подпоры человѣку въ его несчастіи, и брозды на прихоти, во время счастія его. Тогда только человѣкъ пользуется достоинствомъ своея природы, когда святыя правила ея внѣдряются въ сердце его; онъ усовершенствуетъ способности свои, твердость своего духа и чувствіе души своея, поелику взираетъ онъ на себя, яко на чадо Вѣчности,

воззванное къ безсмертію и къ прежитію вѣковъ. — Тщетно уже старается суетное Ученіе человѣческой мудрости совратить его съ сего прямаго пути.

Нѣтъ такого Состоянія Людей въ общественной жизни, на которое бы Откровеніе не могло имѣть своего спасительнѣйшаго вліянія во всякомъ случаѣ жизни. Оно ограничиваетъ Богачей и Сильныхъ, и утѣшаетъ бѣдность и нищету, при оказываемыхъ имъ неправдахъ отъ пристрастныхъ людей, и при злосчастіяхъ жизни. Когда невинный страждетъ, когда

Добродѣтельный бываетъ поносимъ, тогда Вѣра подаетъ имъ утѣшеніе въ чистотѣ ихъ Нравовъ, и они обрѣтаютъ свое удовольствіе въ своемъ сердцѣ, при свидѣтельствѣ всевѣдѣнія Безконечнаго.

Когда глубокая задумчивость преклоняетъ сердце наше къ сѣтованію, Вѣра тогда вливаетъ въ душу нашу отраду. Когда человѣкъ робкій, или угнѣтенный несчастіемъ, ліетъ въ тайнѣ слезы: Вѣра тогда отираетъ слезы съ глазъ его; лишаясь друга, утѣшителя, Защитника, обрѣ-

таетъ въ ней дружбу, утѣшеніе и защиту.

О источникъ не изчерпаемыхъ надеждъ! возвышенное о Божествѣ и объ Откровеніи понятіе! не оставь Людей! ты еси его мужество, его будущность, его животъ! Защити Человѣчество отъ правилъ напыщенно унылой Философіи, которая оставляетъ сердце человѣческое въ несчастіи, безъ всякаго утѣшенія! О вы, почитающіе себя за Просвѣщенныхъ новою Мудростію, слабые Человѣки! вы, старающіеся поставить человѣческую, на мѣсто Божеской, Мудрость!

я обращаюся нынѣ къ вамъ, и вопрошаю: можете ли вы даровать Человѣчеству и Государству то, что дарствуетъ имъ Вѣра?—Болѣзнь пронзаетъ мою душу! Отецъ, мать, бывшіе моими подпорами, руководствовавшіе меня своими рѣшительными совѣтами, питавшіе меня своею нѣжностію, отняты у меня. Сынъ, дочь, гордыня и надежда моей жизни, увяли при началѣ и въ цвѣтѣ лѣтъ ихъ. Другиня, супруга, коея каждое слово, каждый поступокъ, каждое чувство, каждый взглядъ приносилъ мнѣ новую жизнь, и она на-

ла, подкошенная смертію, въ мои обьятія. Я лишаюся силъ, прибѣгаю къ вамъ, Мудрецы! для полученія отрады въ моей участи! — Вы мнѣ отвѣтствуете: прогуливайся, забывай, бездна утвердилася между тобою и твоими любезными. Твои возпоминанія, твои слѣды, твои воздыханія суть послѣдняя игра вещественныхъ членовъ. — Какъ! вы любили! и вы можете равнодушно говорить мнѣ сіи рѣчи! О удалитесь съ вашимъ утѣшеніемъ! я страшусь онаго болѣе, нежели моея болѣзни! А ты Дщерь Небесъ! любез-

нѣйшее и кроткое Откровеніе! что скажешь мнѣ?—Уповай! ты говоришь: Богъ, взявшій у тебя все, можетъ такъже все даровать. Околь отмѣнна сія рѣчь! сколько первая для насъ уничижительна и отчаянна, толико другая возвысительна! та оскорбляетъ съ жестокостію чувствительность нашу, а другая съ кротостію возвышаетъ унылый духъ нашъ, и сопрягаетъ утѣшительныя понятія съ нашею скорбію. Тутъ я изпытываю неправосудіе и угнѣтеніе; хищный Судія отъемлетъ у меня имѣніе мое, врагъ

честь мою — Гдѣ же утѣшеніе въ таковомъ случаѣ? — Не о возмущеніи, не объ отмщеніи говоритъ при семъ Откровеніе: о покореніи, о прощеніи, о возверженіи печали своея на Бога.

Кто убо отвергнетъ величественный духъ, каковымъ отличается, при всѣхъ случаяхъ жизни, вѣрованіе Откровенію и Религіи Християнской? Кто въ состояніи образовать лучшихъ Людей, какъ не Тотъ, Который сотворилъ ихъ, зналъ самую внутренность души нашея, и вѣдалъ, что нужно для Блаженства человѣческаго,

для учиненія Міра счастливымъ!

На Вѣрѣ, яко на камнѣ основанія всего человѣческаго Счастія, должно по сему быть основываему истинному Просвѣщенію; ибо Науки должны къ тому быть направлены, дабы оныя какъ въ настоящей, такъ и будущей жизни, составляли наше счастіе. Но какимъ образомъ сіе быть можетъ, буде оныя не станутъ руководствовать насъ къ нашему Предопредѣленію?

Порядокъ есть великій Законъ Добра, а безпорядокъ Законъ Зла; путь Порядка

есть единъ токмо и тотъ же самый, который прямою чертою произходитъ отъ Бога, на которомъ каждая точка прикосновенна другой; первая дѣйствуетъ на самую даже послѣднюю, какъ самая послѣдняя на первую.

Оставляющій сей Порядокъ не премѣнно впадаетъ въ безпорядокъ; ибо оставить путь, ведущій къ Порядку, значитъ попасть на разпутіе. И человѣческій разумъ всеконечно оставляетъ сей путь, какъ скоро ищетъ Знаній въ самомъ себѣ, въ чувственности и въ Мірѣ. Онъ имѣетъ черту безъ

основанія, а по тому и долженъ не избѣжно совратитися съ истиннаго пути.

Размысливший о семъ внимательно, въ скорѣ узритъ, по чему просвѣщеніе Человѣческаго разума, потерявъ свое основаніе, толь много измѣнилось.

Гордость Ученыхъ, самоуправство, удостовѣриваніе, взаимныя гоненія, суть чада Безпорядка; не трудятся о содѣланіи Людей лучшими, но о распространеніи своихъ мнѣній, для пожатія суетной похвалы, для показанія себя въ Мірѣ Великими, и дабы тщету своего разума

во зло употребить на щетъ другихъ.

Слѣдовательно тогда Самолюбіе учиняется чертою основанія, на которой Ученые зиждутъ зданіе своихъ Наукъ, и сіе зданіе будетъ непремѣнно, при семъ случаѣ, жилищемъ Безпорядка: тогда-то наши Науки уподобляются тѣмъ смертнымъ свѣтильникамъ, кои горятъ во гробахъ покойниковъ, разпространяютъ туманный свѣтъ, и разливаются въ пламень, который однакожь не грѣетъ.

О вы всѣ тѣ, которые рѣшились работать для Бла-

женства Людей! не забудьте великой Истины той, что нѣтъ другаго свѣта, кромѣ истекающаго отъ Бога въ душу Человѣческую! — Что есть отсвѣчиванie свѣтильника противъ величественнаго солнца въ полдень? -- что есть ваша Мудрость противъ Мудрости Божiей? — Капля, почерпнутая изъ источника Мудрости всѣхъ Существъ, чиста, яко кристаловидная капля утренней росы, въ коей солнце себя изображаетъ; но всякая другая подобна капли, взятой изъ лужи, въ которую извергаютъ сметье и грязную не-

чистоту. Науки не дѣлаютъ Человѣка счастливымъ, буде оныя не имѣютъ благотворнаго вліянія на сердце. Солнце тогда токмо благотворно для насъ, когда оное согрѣваетъ и произращаетъ: но тогда со всѣмъ на противъ, когда лучи его, будучи собраны въ зажигательное стекло, производятъ разорительный пожаръ.

Любовь, совокупна съ разумомъ, образуетъ сердце Человѣческое; разумъ безъ любви уродуетъ оное. Буде кто желаетъ имѣть понятіе о сущности Ангела и Сатаны, тотъ только пред-

ставь себѣ разумъ, соединенный съ любовію, и разумъ безъ любви. Безъ сомнѣнія не лестно для нашего самолюбія то, когда мыслимъ, что мы изъ себя ни чего не знаемъ; что благо чрезъ Бога токмо приходитъ въ насъ. Духъ высокомѣрія шепчетъ намъ на ухо: „вку„сите только отъ древа „Знанія, вы уподобитесь „Богамъ!„ — Но сія рѣчь есть рѣчь Обольстителя и Духа лжи.

Все Благое истинное находится только въ Богѣ, и свѣтъ Мудрости сообщаетъ сіи сокровища одному обра-

ботанному и чистому сердцу. Не спорно, можетъ Человѣкъ, по своимъ природнымъ способностямъ, дарованнымъ ему отъ Бога, достигнуть къ разнымъ Познанiямъ: но всѣ сiи Познанiя потеряютъ въ сердцѣ его первоначальное достоинство свое, совлекутся Ангельскаго вида своего, и облекутся въ личину гнусности, подобно тому чистому источнику, которой падаетъ съ высокихъ каменныхъ горъ въ мутный потокъ, уносящiй съ собою всякое сметье и тину.

Самыя полезныя открытія будутъ вредными для Міра, буде Люди станутъ употреблять оныя во зло. Что же болѣе, какъ не Познанія, употребляютъ они во зло, тогда какъ оныя потеряли основаніе, по которому все должно учреждаться.

Человѣкъ безъ Нравственности подобенъ скоту; ибо онъ, яко и скотина, управляется единою чувственностію. Жестокость скотины соотвѣтствуетъ силѣ ея; чѣмъ сильнѣе бываетъ она, чѣмъ болѣе познаетъ свою крѣпость, тѣмъ жесточае учиняется; точно такъ же

и Человѣкъ, имѣющій Познанія безъ Нравственности; чѣмъ болѣе просвѣщается разумъ его, тѣмъ злѣе учиняется онъ; чѣмъ болѣе онъ предъ другимъ чувствуетъ силы и разсудливости, тѣмъ злококварнѣе онъ учиняется. Мы имѣемъ на то доказательства, и ежедневно видимъ оныя предъ собою. Чувственность видитъ все въ ложномъ свѣтѣ. И такимъ-то образомъ, со всѣмъ не съ правильной точки зрѣнія, разсматривается Человѣческая Свобода, Человѣческія права. Воля, не покоривая воля, противившаяся Порядку

и Законамъ, часто защищается именемъ Человѣческаго права, и именемъ Вольности прикрываетъ необузданное разпутство.

Въ столѣтіе наше такото два Чудовища измѣнили Человѣчество! — Чудовища сіи суть, Невѣріе и Буевѣріе. Первое родилось отъ ложнаго Просвѣщенія, а другое вскормлено грубою Глупостію. Оба они оковали Людей ужасными цепьми.

Послѣдователи Невѣрію возносятъ свои смольныя факлы, и возходящимъ отъ нихъ дымомъ помрачаютъ ясный свѣтъ Солнца. —

Послѣдователи Буевѣрію запираютъ Людей въ погреба Невѣжества, возлагаютъ на нихъ тяжкія оковы, пригнетающія ихъ къ земли, дабы они ни когда не могли поворотиться, и поднять лице отъ оной, для возжеланія узрѣть солнечный свѣтъ, и оба сіи роды Послѣдователей имѣютъ предметомъ поступковъ своихъ не Благо человѣческое, но гнусное Себялюбіе. Первые изъ нихъ говорятъ: мы должны возбудить между Народами безпокойствіе, для скорѣйшаго достиженія нашихъ видовъ; мы покажемъ имъ наиме-

нованіе Вольности съ той стороны, которая будетъ возбуждать ихъ страсти и учинитъ ихъ, Послѣдователями нашими; пріобрѣтши Послѣдователей, нападемъ мы на Законъ и Порядокъ, опровергнемъ все, и можетъ быть удастся намъ вознестися.

Будите глупыми! кричатъ Послѣдователи Буевѣрія, и не старайтесь видѣть того, что мы топчемъ ваши головы, и что намъ нужно содержать васъ въ глупости! Обымите Невѣжество, дѣлайте между собою самые грубые пороки, будьте толь-

ко тяглымъ скотомъ, на спинахъ которыхъ можно бы намъ достигнуть къ полученію пищи нашей гордынѣ и сластолюбію.

Оба сіи рода ужаснѣйшихъ въ Человѣчествѣ Разколовъ суть Сатаны Безпорядка. Они-то угрожаютъ Перемѣнами Государствамъ, и самымъ Государямъ, поставленнымъ надъ нами отъ Бога, бываютъ опасны. Они суть Духи Замѣшательства, противоборствующіе Закону Порядка, въ коемъ все Благо находится.

Кто же силенъ низвергнуть сіи Чудовища? — Ни

какая человѣческая сила; поелику они суть Сатанинская сила, сила Духа Безпорядка. Единое Христіанство въ состояніи низрынуть сіе Чудовище на дно ада, отъ куда оное вышло; ибо въ Христіанскомъ Ученіи есть свѣтъ и премудрость, и при единомъ взорѣ онаго растопляются заблужденія, якоже ледъ при сіяніи весенняго солнца.

О Человѣки! внемлите гласу Ученія сего; оное есть воззваніе Премудрости, руководствующее Людей къ счастію. Разсмотрите Природу, и видите, како все воз-

вѣщаетъ великій Законъ Порядка. Званіе человѣческое есть Блаженство здѣсь и тамъ: но Блаженство сіе обрѣтается въ единомъ Порядкѣ; Порядокъ сей хранится въ Законѣ, а Законъ сей весьма легокъ, весьма снизходителенъ и совершенно соотвѣтственъ обстоятельствамъ нашимъ. — Исполняйте взаимныя должности ваши, яко Граждане и Подданные, а все прочее предоставьте Промыслу Отца, васъ любящаго.

Коль отмѣнна сія рѣчь отъ рѣчи хладной Философіи, которая благо Человѣчества

основываетъ на постыдномъ Себялюбіи, и все сосредоточиваетъ на корыстолюбивомъ Ячествѣ.

О вы Владыки Земные! суетно зиждете вы силу и власть вашу на человѣческомъ изобрѣтеніи! Чада времени производятъ дѣла, разрушаемыя тѣмъ же временемъ, и чада смертныя зиждутъ на основаніи, превращающемся въ прахъ. Дѣйописаніе увѣряетъ васъ въ томъ.

Вы жаждете завоеваній, почестей, благодарности! Вы вездѣ встрѣтитесь съ заблужденіемъ. Человѣческая

участь есть изпытывать противности, коимъ причиною суть наши страсти и наша слабость.

Буде оставляете вы карабль вашъ въ пристанищѣ, тогда станутъ удачливыя событія съ прочими васъ ослѣплять; отплывши же въ пространное море, вы встрѣтите обуревающіе васъ вѣтры и бури. Дѣятельность и бездѣйствіе, страсть и равнодушіе, все имѣетъ свою непріятность; ни единый Человѣкъ не изъятъ, хотя бы онъ былъ Вѣнценосецъ, отъ своенравія Счастія; но буде бы мы и дѣйствитель-

но были отъ сего Счастія удовлетворены въ нашихъ желаніяхъ; буде бы мы достигли на высочайшій верьхъ Любочестія, и всю чашу Сластолюбія изпили: то пріидетъ смутное и скучливое пресыщеніе, для похищенія у насъ всего нашего удовольствія, отъемля завѣсу Обвороженія отъ глазъ нашихъ. На земли здѣсь нѣтъ ни чего совершеннаго; единое мгновеніе кажется намъ вещію совершенною; ни чего нѣтъ постояннаго, кромѣ перемѣны и измѣненія, а сіе — то и показываетъ намъ необходимость въ томъ, дабы мы

держались цепи тѣхъ не измѣняемыхъ понятій, кои не суть дѣломъ времени и Человѣковъ, — той цепи, которая достоинство свое не отъ простыхъ договоровъ имѣетъ, и произходитъ не отъ перемѣнчивыхъ мнѣній. Цепь сія единая даруетъ ясныя понятія и чувствованія, ко всему пригодныя. — Въ часъ торжества и во мгновеніе несчастнаго побоища, во время счастія и во время туги, они едины не разлучны съ нами; они учреждаются по нашимъ надобностямъ, суть утѣшеніемъ нашимъ, ободреніемъ нашимъ и нашимъ

правиломъ. Какихъ нѣтъ силъ въ нашемъ средствѣ? и сколько бы еще могли быть оныя для насъ полезны и пригодны, буде бы оныя во обще почитаемы были за наилучшую подпору Порядка и Нравственности! буде бы каждый въ Государствѣ, по силамъ своимъ, споспѣшествовалъ тому, дабы учинить оныя почтенными и и не зыблемыми!

Тогда-то узрѣли бы очи наши новое явленіе, тогда-то Ученость и Науки были бы полезными для Человѣчества и подпорою порядка Вселенныя. Ученые не забо-

тились бы ставить жертвенники своему Упрямомыслію; ни кто бы не отважился подкопывать Вѣры, сего необходимѣйшаго средства къ Человѣческому Блаженству; на противъ, всѣ бы трудились для возвышенія Истинъ Вѣры; тогда всеобщею было бы рѣчью: есть Богъ, для насъ не обходимый; Богъ, каковымъ Его изображаетъ намъ Вѣра; Всемогущій, Всеблагій Богъ, Виновникъ счастія нашего и порука въ Блаженствѣ нашемъ! О да разкрыются сердца наша, для принятія сего священнаго Свѣта, и да пламя чи-

стопы его проникнетъ во глубину оныхъ! да поработаемъ, вы, коимъ Богъ и Государство ввѣрили образованіе Народа, Священнослужители, Писатели и Ученые, дабы Юношество, отъ самыхъ младыхъ лѣтъ своихъ, было совершенно напоено высокимъ понятіемъ о Божествѣ и Его любви ко всѣмъ тварямъ! Укрѣпите Возмужалыхъ мудрыми размышленіями, коихъ бы сила осталась въ нихъ до конца живота ихъ. Всеобщею рѣчью да будетъ, Любовь; всеобщею системою, что одинъ только есть не измѣняемый За-

конъ, что единое только есть совершенное Благо; единое токмо есть понятіе, которое въ состояніи, во всякое мгновеніе жизни, утѣшить насъ; что единъ только есть столпъ основанія, который не страшится времени и вѣчно пребываетъ не поколебимъ; однимъ словомъ: единая только есть Истина, единая только есть Премудрость, отъ куду все должно произтекать, буде должно оному быть вѣчнымъ и не измѣняемымъ.

Наставьте Человѣка, что онъ тщетно ищетъ счастія индѣ, кромѣ познанія Бога;

что оное находится въ семъ познанiи и во изполненiи Ученiя Его; что все прочее есть токмо обманчивый призракъ, обыкновенно обманывающiй насъ, и прельщающимъ гласомъ своимъ заманивающiй насъ въ заблужденiе. Мы слушаемъ гласъ его, бѣжимъ на оный, оставляя благочестивыя и чувствительныя понятiя далеко за собою, кои однакоже суть единыя, которыя возвращаютъ насъ на путь Порядка и приближаютъ къ Божеству.

Не слушайте льстиваго гласа Соблазна, возмущающаго васъ, который представ-

ляетъ вамъ въ Мірѣ Блаженство, Вольность и Равенство! Оныя здѣсь не возможны; и сіи рѣчи суть рѣчи Соблазна, ищущаго разорвать кроткій вашъ союзъ, посредствомъ котораго Государство и Вѣра ведутъ васъ, по намѣренію Божества, и дабы возложить на васъ цепи, которыя прикрѣпятъ васъ къ вашей гибели.

Единое Ученіе Христово есть великій Законъ Порядка. Всякое образованіе Людей должно основываться на его простотѣ, на его величіи. Оно научаетъ повиновенію и подчиненности. Оно до-

ставляетъ счастіе, душевное спокойствіе, управляетъ разумомъ нашимъ, по правиламъ ума, обуздываетъ наши желанія, и споспѣшествуетъ Блаженству нашему.

Образъ его есть образъ нѣжной матери, которая взираетъ съ удовольствіемъ, какъ мы наслаждаемся различными благами жизни, но всегда возбуждая насъ къ благодарности и признательности. Оно не стѣсняетъ нашихъ дарованій и способностей, но направляетъ оныя къ Нравственности и Добродѣтели, для безопаснѣйшаго путеводительства нашего

и предохраненія насъ отъ мечтанія и зла. Оно дозволяетъ намъ искать чести: но тогда же показываетъ намъ непостоянство и измѣнчивость Человѣческихъ благъ; оно оберегаетъ насъ отъ прельщенія ихъ, дабы вихрь страстей не закружилъ души нашей. Оно никогда насъ не покидаетъ, не для обезпокоенія нашего Благоденствія, но для возвышенія нашихъ мыслей, яко вѣрная путеводительница къ Премудрости и Умѣренности.

О ежели бы я могъ быть столько удачливъ, чтобы показать Ученія онаго благо-

творнѣйшее вліяніе на Человѣческое Счастіе во всемъ совершенствѣ онаго! О ежели бы рѣчь моя побудила всѣхъ Государей основывать благоденствіе Государствъ своихъ на образованіи сердца ихъ Народовъ! — Въ сердцѣ Человѣческомъ находятся Духовныя силы; силы сіи суть подпоры Престоловъ, и столпы, на коихъ стоятъ твердо Государства. Всѣ Человѣческія дѣянія подвержены перемѣнѣ; единое токмо то, что на вѣчныхъ Законахъ основывается, есть не измѣнно и вѣчно; сіи вѣчные Законы Человѣческаго Порядка находятся въ нѣдрѣ

Христіанства; при оныхъ процвѣтаютъ прекраснѣйшія Добродѣтели, каковыхъ до того на Земли не бывало.

Предвѣчная Мудрость разпространи Свѣтъ и Истину между Людьми! А Ты, свидѣтель моей ревности, одушевляющій меня, ради истиннаго счастія Человѣковъ, братіи моей! даруй силу словесамъ моимъ! отверзи очи тѣмъ, которые ищутъ счастія внѣ Тебя, и гоняются за единымъ привидѣніемъ! Даруй имъ зрѣти, яко источники Блаженства сокрыты въ единомъ Ученіи Твоемъ; яко Ты еси Порядокъ, Мудрость и Счастіе;

яко Человѣкъ не можетъ заблуждатися, слѣдуя за Тобою и яко все Просвѣщеніе и Знаніе не избѣжно превратится во зло, при колебаніи Вѣры и Богопочитанія.

Наилучшее средство противу всякаго безпорядка есть Порядокъ; а Порядокъ сей тамъ, гдѣ стройность; стройность же въ единомъ Богѣ, Который указываетъ намъ путь къ Себѣ чрезъ Откровеніе.

Смѣшно и нелѣпо слушать нѣкоторыхъ Мудрецовъ, проповѣдующихъ не ограниченную Вольность и Равенство между Людьми. Нѣтъ не огра-

да все изполняетъ свой законъ, свое соотношеніе, владычествуетъ Красота и Стройность. Буде Государи и Народы станутъ поступать по Законамъ, преподаннымъ намъ въ Откровеніи: то въ скорѣ почувствуютъ благотворное сего вліяніе; Государь будетъ спокоенъ на Престолѣ, а Гражданинъ доволенъ въ своей хижинѣ. Предубѣжденія изчезнутъ, и Царское Достоинство Владѣтелей получитъ высочайшій степень Величія и Силы, а Царства ихъ будутъ вѣчна, яко же Истина.